

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.22>

Бурдун Светлана Владимировна

[Лексическая репрезентация концепта КАЗАК, представляющего мужскую субкультуру 'своего мира' в контексте кубанской фразеологии](#)

В статье рассматривается концепт КАЗАК в контексте кубанской фразеологии. Цель исследования - определить значимость концепта КАЗАК в языковой картине мира кубанских казаков относительно категории "свой - чужой". Научная новизна заключается в том, что впервые рассматривается лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в региональной языковой картине мира кубанских казаков на материале местной фразеологии. Полученные результаты показывают, что концепт КАЗАК вбирает в себя как мелиоративную, так и пейоративную оценочность и имеет разную значимость с точки зрения дихотомии "свой - чужой" в военной сфере и в гражданской жизни казаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/22.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 109-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русский язык

Russian Language

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.22>

Дата поступления рукописи: 14.09.2020

В статье рассматривается концепт КАЗАК в контексте кубанской фразеологии. Цель исследования – определить значимость концепта КАЗАК в языковой картине мира кубанских казаков относительно категории «свой – чужой». Научная новизна заключается в том, что впервые рассматривается лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в региональной языковой картине мира кубанских казаков на материале местной фразеологии. Полученные результаты показывают, что концепт КАЗАК вбирает в себя как мелиоративную, так и пейоративную оценочность и имеет разную значимость с точки зрения дихотомии «свой – чужой» в военной сфере и в гражданской жизни казаков.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; концепт КАЗАК; категория «свой – чужой»; кубанская фразеология; оценочность.

Бурдун Светлана Владимировна

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова
010670@bk.ru*

Лексическая репрезентация концепта КАЗАК, представляющего мужскую субкультуру ‘своего мира’ в контексте кубанской фразеологии

Различные науки, обращённые к сознанию человека, его поведению, изучающие его культуру, так или иначе сталкиваются с одной из наиболее значимых категорий человеческого сознания – с глобальной бинарной оппозицией ‘свой – чужой’. Достаточно ярко данная семантическая оппозиция реализуется в региональных картинах русскоязычного мира, так как в народной культуре «ментальные структуры нации воплощаются в реальность и особым образом воздействуют на неё» [8, с. 17].

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью глубокого изучения языковой картины мира кубанского казачества. Исследование фразеологического фонда Кубани является одним из важных этапов изучения локальной языковой картины мира кубанских казаков.

Объектом рассмотрения в этой работе выступают устойчивые народные речения, включающие имена концепта КАЗАК. Предметом исследования являются лексико-семантические варианты и приращённые значения этих лексем, входящие в оппозицию ‘свой – чужой’ и выражающие представления о казачьем воинском сословии.

Источниками материала послужили сборники устойчивых речений, имеющие в названии указание на региональную принадлежность фразеологических единиц: «Пословицы, поговорки и загадки Кубани» Л. В. Мартыненко и И. В. Уваровой [10], «Фразеологический словарь говоров Кубани» В. И. Андриющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой, В. М. Пелих [1], авторский словарь П. И. Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки» [13], «Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края» С. Д. Мастепанова [11], «Торба смеха и мешок хохота» А. Е. Пивня [9], «Опыт словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [4], а также диссертация «Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, быт и духовную культуру» В. П. Чалова [15].

Материал исследования составили 100 фразеологических единиц (ФЕ).

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*: 1) отобрать фразеологические единицы, включающие основные вербализаторы концепта КАЗАК; 2) провести сопоставительный анализ отобранных фразеологических единиц; 3) проанализировать языковые средства репрезентации основных семантических компонентов в структуре концепта; 4) определить значимость реализованных концептуальных смыслов по отношению к семантической категории «свой – чужой».

В статье применялись следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки и количественной обработки материала, метод компонентного сопоставительного анализа и интерпретации, а также лингвокультурологический метод, помогающий выявить связь между языковым и культурным материалом.

Теоретической базой статьи являются труды ученых в области лингвокультурологии В. А. Масловой, В. Н. Телии, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, Т. В. Цивьян, а также исследования региональной фразеологии О. Г. Борисовой, В. П. Чалова.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и основные положения могут быть использованы в учебном процессе: на занятиях по кубановедению и лекциях по культуре Кубани и лингвокультурологии.

Представления кубанских казаков о самих себе как о внутриэтническом подразделении-субэтнотипе зафиксированы в сборниках региональной фразеологии. Нами было рассмотрено 100 ФЕ с вербальными экспликаторами концепта КАЗАК, из них 70 – включают лексему *казак*, 11 – ее дериваты *казацкий*, *казацить*; 8 – содержат лексему *атаман*, в этих же контекстах репрезентантом концепта является лексема *булава*; в 4 ФЕ входят лексеммы, называющие разные воинские чины или казачьи подразделения; в 2 ФЕ имеется лексема *батька*; 2 – содержат прилагательное *кубанский*; в 3 ФЕ концепт представлен имплицитно. При этом имеется в виду фразеология в широком понимании термина: устойчивые единицы, структурно равные как словосочетанию, так и предложению (пословицы и поговорки).

Таким образом, лексема *казак* является основным вербализатором одноименного концепта. Она заимствована из тюркских языков и первоначально имела значение «вольный человек» [14, с. 158]. В четырёхтомном академическом словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой дано три ЛСВ этой лексеммы: «1. В Русском государстве 15-17 вв.: вольный человек, из бежавших на окраины государства (Дон, Яик, Запорожье) крепостных крестьян, холопов и городской бедноты. 2. Представитель военного сословия в дореволюционной России, которое с 18 в. было обязано нести службу за льготное пользование землёй; житель войсковых областей (Кубанской, Оренбургской, войска Донского и др.). 3. Уроженец некоторых областей СССР (бывших войсковых областей)» [12, с. 13]. Так, лексема *казак* эксплицирует семы, закреплённые на лексическом уровне: ‘вольный человек’, ‘беглый маргинал’, ‘обитатель окраины’, ‘представитель военного сословия’, ‘пользователь льготной земли’, ‘житель определённой области’.

О. Г. Борисова отмечает, что в говорах Кубани функционируют ещё два значения лексеммы *казак*: «1. Одинокый, свободный человек (см. также глагол казаковать: ‘быть холостым, вести свободный от обязательств образ жизни’). 2. О смелом, храбром, удалом человеке» [3, с. 520]. Данные переносные значения эксплицируют семы, выражающие основные характеристики понятия «казак»: «одинокый», «свободный», «храбрый», «удалой».

После уничтожения Запорожской Сечи, как отмечает исследователь кубанской фразеологии В. П. Чалов, произошло деление на *верных казаков* и *неверных казаков*. В этих устойчивых выражениях зафиксирована семантика противостояния, отчуждения. *Верные казаки* стали основой Черноморского казачьего войска. А Черноморское казачье войско вошло в состав Кубанского казачьего войска, вследствие чего «в период военных действий на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII появились устойчивые номенклатурно-терминологические словосочетания *кубанский казак*, *кавказский казак*, *линейный/линейский казак*» [Там же, с. 521]. Эти ФЕ отражают период становления единого воинского сообщества со своей системой управления и своими традициями. Интересно, что кубанские казаки считали себя «русскими», тогда как «на Дону лексема *русский*, напротив, означала ‘не принадлежащий к казачьему сословию’» [Там же, с. 522].

Как отмечают историки, «уклад кубанского казачества в XIX – первой четверти XX века состоял из взаимосвязанных, во многом перекрывающих друг друга, но, вместе с тем, достаточно самостоятельных “миров”: военного и гражданского» [2]. Это очень ярко отражается в региональном фразеологическом фонде. Большая часть фразеологических единиц, представляющих концепт КАЗАК, посвящена военной службе (76 из 100). Служба для казака – это призвание, его предназначение. Не случайно историк О. В. Матвеев говорит о сходстве мировоззрения казаков с представлениями средневековых рыцарей: «В народной картине мира Господь повелел крестьянам явиться на свет, чтобы трудиться, возделывать землю; купцам – торговлей добывать себе надёжные средства к жизни; духовенству предназначено вершить дело веры; служилые же люди призваны защищать веру и народ от притеснения, бороться с врагами» [7, с. 80]. *Не наше діло у рясі стрибати: наше діло казацьке конем з меренцем по степу гуляти* [15, с. 114]. / «Не наше дело казачье в рясе прыгать: наше дело с конём по степи гарцевать» (здесь и далее перевод автора статьи. – С. Б.). В данном фразеологическом контексте повторяющееся словосочетание «наше діло» и прилагательное «казачье» актуализируют смысл ‘сословное призвание’. В поговорке-восклицании *Казацкому роду нэма пэрэводу* [4, с. 158]. / «Казацкому роду нет конца» проявляется сема ‘сословная кастовость’, она же эксплицируется в таких контекстах, как *природный казак*, *потомный казак*; *в(у) корень казак (крепкий казак)* [3, с. 522]. В следующих контекстах наряду с семой ‘призвание’ возникает сема ‘служение Богу и царю’. *Душа – Богу, жизнь – царю, слава – казаку* [Там же, с. 524]. *На тэ казак народывся, шоб Богу и царю сгодывся* [13, с. 121]. / «На то казак родился, чтобы Богу и царю сгодиться». *Як казак народывся, сатана зажурывся* [Там же, с. 143]. / «Как казак народился, Сатана зажурился». Казаки служат Богу, царю и позиционируют себя противниками Сатаны, они осознают свою избранность. *Колы казаки спивають, ворогы плачуть* [Там же, с. 119]. / «Если казаки поют, враги плачут». В данном контексте антонимичной парой лексеме *казаки* становится лексема *ворогы*, поверженность врагов актуализируется глаголом *плачуть* в противовес мелиоративно окрашенной лексеме *спивають*. Само контекстуальное противопоставление эксплицирует смысл «предназначение казаков – защищать страну от врагов».

О жизни казака в служении говорит достаточно большая группа фразеологических контекстов, эксплицирующих сему ‘казачья доля’. Судьба казака – быть вольным человеком: *Стэп та воля – козацька доля* [10, с. 30]. /

«Степь и воля – казачья доля». Но свобода не гарантирует отсутствия трудностей в жизни: *Казак с бидою, як рыба с водою*. / «Казак с бедою, как рыба с водою»; *Кто казачит, тот и батрачит*; *Звание казачье, а життя – собачье* [Там же, с. 50]. / «Звание казачье, а жизнь собачья»; *Хлеб, сіль та вода – то казацька їзда* [9, с. 30]! / «Хлеб, соль, да вода – казачья еда»; *Дожили казаки: ни хлеба, ни табаки* [3, с. 524]. / «Дожили казаки: ни хлеба, ни табака»; *Козаку в походи и голка важка* [13, с. 120]. / «Козаку в походе и иголка тяжела»; *Як куц розивьетьця, той й козак розжывьетьця* [9, с. 31]. / «Как куст разовьется, казак разживётся». В народном сознании казачья доля – трудная доля, полная лишений. Сема 'доля' реализуется с помощью лексем *степь, воля, беда, батрачить, важкий (тяжелый)*, словосочетания *життя собачье (собачья жизнь)* и перечисления самых важных для жизни продуктов (хлеб, соль, вода), символизирующих бедность. В устойчивых речениях о доле казака реализуются также семы:

– 'казачья слава': *Слава казача, а жысть собача* [13, с. 135]. / «Слава казачья, а жизнь собачья»; *Не в усах казачья слава* [10, с. 17];

– 'терпение': *Тэрпы, козак, горе – будэш пить мэд* [9, с. 30]. / «Терпи, казак, горе – будешь пить мед»; *Тэрпы, казак, атаманом будэш* [13, с. 136]. / «Терпи, казак, атаманом будешь»; *Терпи, казак, атаманом будеш, а умрешь – с коня в рай попадешь* [15, с. 116]; *Казак и в беде не плаче* [10, с. 37]. / «Казак и в беде не плачет»;

– 'надежда' и 'упование на Бога': *Козак нэ бэз доли, рыба нэ бэз лускы*. / «Казак не без счастья, а рыба не без чешуи»; *Бог нэ бэз мылування, а царь нэ бэз жалування* [9, с. 31]. / «Бог не без милости, а царь не без жалования»; *Бог нэ биз мылости, казак нэ биз щастя* [13, с. 106]. / «Бог не без милости, казак не без счастья»;

– 'смерть' и 'одиночество': *Умер козак та й лэжить, та й никому затужыть* [9, с. 30]. / «Умер казак и лежит, и некому по нему тужить»;

– 'осторожность' в выборе своей доли: *Лучше живой урядник, чем мёртвый подпоручик* [15, с. 103]. / «Лучше живой урядник, чем мертвый подпоручик»; *Лучше живой хорунжий, ніж мертвий сотник* [Там же]. / «Лучше живой хорунжий, чем мертвый сотник»;

– 'бесстрашие': *Казак не боитьця ни тучи, ни грому* [10, с. 37]. / «Казак не боится ни тучи, ни грому».

Служба казака – это сугубо мужской мир, закрытый для женщин: *Баба в стане – казакам несчастье* [15, с. 48]. Время активных боевых действий – ночь: *Кинь та ніч – козакови товарищ* [Там же, с. 111]. / «Конь и ночь – товарищи казака»; *Мисяц – козацьке сонце* [9, с. 30]. / «Месяц – казацкое солнце». Место действий – там, где можно укрыться, спрятаться от врага: *Де байрак, там и казак* [15, с. 45]. / «Где овраг, там и казак»; *У нас де крак, там и казак, а де байрак, та І сто козаків* [Там же]. / «У нас где куст, там и казак, а где овраг, то и сто казаков». *Плох тот казак, что не умеет маскироваться* [Там же, с. 107]. Таким образом, концепт КАЗАК включает в себя такие контекстуальные значения, как 'сторонящийся женщин', 'действующий ночью', 'скрывающийся', 'маскирующийся', что говорит о казаках как об умелых и осторожных воинах, свободно ориентирующихся на местности и способных обмануть врага.

С умением прятаться, маскироваться связано ещё одно качество настоящего казака – это сообразительность, хитрость, умение находить выход из самых сложных ситуаций: *Не той козак, що поборов, а той, що вывернувся* [9, с. 31]. / «Не тот казак, кто поборо, а тот, кто вывернулся». Одобряя умение ловчить и хитрить, казачья мудрость, отраженная в устойчивых речениях, тем не менее иронически осуждает воровство: *Не за тэ козака бють, що крадэ, а за тэ, щоб умив кинци ховать* [Там же, с. 30]. / «Не за то казака бьют, что он крадет, а за то, чтобы умел концы прятать»; *По-казацкому, хоч украв, так кажи, що добув* [Там же, с. 31]. / «По-казацки хоть украл, так скажи, что добыл». Так с помощью глаголов «вывернуться», «ховать», «добывать», «красть» актуализируется сема «Казак – хитрый человек».

Казаки непритязательны в походных условиях и могут обходиться малым: *Козак не гордуе, що понав, тэ й мордуе*. / «Казак не гордый, что есть, то и ест»; *Козакови нэ багато треба: соли дрибок, хлеба шматок, та горилки чарка*. / «Козаку не много надо: сала шматок, да горилки чарка»; *Козацька душа найиється и з ковша*. / «Казачья душа наестся и с ковша»; *Козаки, як мали диты: хочь богато – пойдить, хочь трохи – найидятьця*. / «Казаки, как малые дети: хоть много – поедят, хоть мало – наедятся»; *Козак, як голуб: куда нэ прылэтыть, там и прыстанэ* [Там же, с. 30]. / «Казак, как голубь, куда прилетит, там и пристанет». В этих ФЕ отмечаются бытовые трудности походной жизни – недостаток еды, отсутствие жилища и привычных предметов. Сравнения с малыми детьми и голубем придают заголовочной лексеме концепта КАЗАК коннотацию сочувствия.

Особой ценностью в казачьей мужской субкультуре считается опытность. Об этом свидетельствует поговорка *Стара собачка, да ни батьком звать* [11, с. 119], которая означает, что в казачьей среде «статус "батьки" определяет не возраст, а опыт» [5, с. 16]. Фразеологизм *репаний казак* означает «матерый, истинный казак» [1, с. 99]. О. Г. Борисова, объясняя значение данной ФЕ, указывает на то, что «прилагательное *репаний* выражает целую палитру смыслов: 'израненный в боях, покрытый шрамами', 'опытный, бывалый воин', 'много переживший и повидавший на своём веку'» [3, с. 522]. ФЕ *Пластун идёт на войну в длинном кожухе, а возвращається в коротком* [15, с. 97] говорит об опыте, который пехотинец-казак получил в боевых действиях, так как «в исторической памяти кубанского казачества пластуны предстают, прежде всего, создателями и хранителями уникальной системы выживания в экстремальных условиях» [7, с. 99]. В этом контексте, возможно, эксплицируется ещё один смысл – отрыв от гражданского, женского мира. По словам Н. И. Бондаря, «молодые казаки на службу являлись в длинных из домашнего сукна свитках (зипунах). Старые казаки, принимавшие пополнение, тут же топором подрубали свитки до длины казакинов» [2]. Историк отмечает, что в этом «следует видеть важный, с точки зрения казака-воина, символический акт окончательного отделения (отрубания) молодых казаков от гражданского (в том числе женского) мира» [Там же].

Таким образом, испытав много опасностей на войне, пластун приходит домой настоящим, опытным казаком, полноправным членом мужского воинского сообщества. По-другому народные речения говорят об опыте конного казака: *Побывавший на коне и под конём* [15, с. 112]. Это значит, казак не только участвовал в сражениях, но и знает, что такое ранение и смерть.

Исследователь истории кубанского казачества Н. И. Бондарь в своей статье «Воины и хлеборобы» пишет о том, что «важной составной частью мужской казачьей субкультуры, войскового мира» была «система управления» [2]. Это отразилось и в региональной фразеологии, где лексемы *атаман*, *батько* также являются экспликаторами концепта КАЗАК. Основной признак, по которому оценивается атаман, – это его ум: *До атаманской булавы надо ще голову* [13, с. 113]. / «К атаманской булаве надо еще голову»; *Була б голова, будэ и булава* [Там же, с. 107]. / «Была б булава, будет и голова»; *При войсковой булаве, да при своей голове* [15, с. 103]; *Не атаман при булаве, а булава при атамане* [Там же]. Булава – это символ власти, вручаемый избранному атаману, и он должен правильно распоряжаться своей властью: тот атаман хорош, у которого умная голова. Таким образом, регулярное контекстуальное сближение лексем *булава* и *атаман* позволяет считать первую еще одним вербализатором концепта КАЗАК. Честность и талант в управлении казачьими частями тоже ценились: *Не тот атаман, кто гроши мает, а тот атаман, что Бога знает* [Там же, с. 101]. / «Не тот атаман, кто имеет деньги, а тот, кто Бога знает»; *Доброго казака взбэрають, а нэ купують* [13, с. 113]. / «Хорошего казака выбирают, а не покупают»; *Кому дан талан, той будэ атаман* [Там же, с. 124]. / «Кому дан талант, тот будет атаманом». Хороший атаман вызывает уважение: *Добра та бэсэда, дэ атаман е* [Там же, с. 113]. / «Хороша та беседа, где атаман есть», ему подчиняются, его называют «батькой»: *Знае об тім Головатий Антін: він нам голова, він наш і батько, він нам поголив голови гладко* [15, с. 58]. / «Знает о том Головатый Антон: он нам атаман, он наш и батька, он нам побрил головы гладко». В данных контекстах лексема *атаман* приобретает мелиоративную окраску, так как «главенство “батьки” актуально для казаков не только в семейных отношениях, но и в иерархии казачьей службы. “Батько” – это, во-первых, ‘главный’, ‘опытный’ и, во-вторых, всегда представитель ‘своего’» [5, с. 18]. Так, в реализуемом устойчивыми речениями концепте КАЗАК появляется приращённый смысл ‘ответственная власть’. Атаманом быть почётно и престижно, об этом должен мечтать каждый хороший казак: *Той і не козак, хто не думає бути атаманом* [15, с. 101]. / «Тот и не казак, кто не думает быть атаманом». Вместе с тем народ понимает, что власть можно потерять. *Ноня атаман, а завтра яман* [Там же, с. 80]. / «Сегодня атаман, а завтра никто». В. П. Чалов объясняет происхождение данной поговорки заимствованием от одного из тюркоязычных народов Кавказа, так как слово *яман* в тюркских языках означает ‘плохо’, ‘нехорошо’.

В других фразеологических контекстах проявляются ироническое отношение казаков к власти, независимость, нежелание подчиняться: *Дэ два казака, там тры атамана* [13, с. 114]. / «Где два казака, там три атамана»; *Сам себе атаман* [15, с. 101]. Есть и такие фразеологические единицы, где высмеивается подобострастие, проявление излишнего внимания к атаману: *Добрий казак баче, де атаман скаче* [Там же]. / «Хороший казак знает, где атаман скачет». Таким образом, можно резюмировать, что лексема *атаман* в кубанской фразеологии эксплицирует сему ‘ответственная власть’ и имеет в целом положительную эмоциональную окраску, а сам атаман считается важным представителем ‘своей’ военной субкультуры.

Еще одним центром мужского казачьего мира в контексте кубанской фразеологии является боевой конь. Исследователями было обнаружено, что «в подавляющем большинстве кубанских ФЕ с лексемой *конь* (42 ФЕ из 44) эксплицитно или имплицитно реализуется значение ‘боевой конь’» [6, с. 20]. Конь для казака дороже отца и матери, дороже себя самого: *Без отца да без матери казак ещё не сирота, а как без коня – круглый; Без коня казак кругом сирота* [15, с. 111]. Именно конь делает казака казаком: *Без коня – не казак* [Там же]; *Казак без седла, что черкес без кинжала* [11, с. 37]; *Казак без коня, що солдат без ружья* [Там же, с. 40]. Конь является для казака абсолютной ценностью: *Конь – это душа казака* [15, с. 112]; *Нет ничего дороже казаку, чем конь; Конь для казака дороже всего; Казаку конь себя дороже; Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом* [Там же, с. 111]; *Булы б кони, казаки найдуться* [13, с. 107]. / «Были б кони, а казаки найдутся». Ради коня казак готов жертвовать собой, голодать, не отдыхать: *Казак голоден, а конь его сыт; Казак сам голодный, а лошадь его сыта; Не тот казак, что на коне, а тот, что под конём; Не тот хозяин, кто в стремя ноги вложил, а тот, что сыто лошадь накормил* [15, с. 111]. Казак, имевший коня, отличался более высоким статусом по сравнению с пехотинцем: *Пеший конному не товарищ* [Там же, с. 98]. Конь для казака был верным другом: *Нет у казака лучшего друга, как его боевой конь* [Там же, с. 111]; *Конь на службе казаку верный товарищ* [Там же]. Таким образом, следует отметить, что лексема *конь* является ещё одним вербальным воплощением концепта КАЗАК и символизирует принадлежность к мужской субкультуре.

Нами были рассмотрены 35 ФЕ, где в одном контексте с лексемой *казак* употреблялись одушевлённые существительные. Положительную эмоциональную окраску приобретали такие лексемы, как *конь* (18 ФЕ), *Бог* (3 ФЕ), *царь* (2 ФЕ), *атаман* (3 ФЕ).

Следовательно, надо отметить, что в устойчивых народных речениях Кубани ни к кому не выказывается столько трепетной любви со стороны казака, как к коню: *Конёк мой верный – кубанская кровь* [Там же]. В данном фразеологическом контексте уменьшительно-ласкательный суффикс, притяжательное местоимение ‘мой’, эпитет ‘верный’, сочетание слов ‘кубанская кровь’ эксплицируют сему ‘любовь’ и указывают на то, что конь для казака является центральной фигурой своего мира в системе координат ‘свой – чужой’.

Таким образом, в контексте кубанской фразеологии, описывающей «военный мир», концепт КАЗАК вбирает в себя следующие смыслы: ‘представитель военного сословия’, ‘тот, кто избран на служение Богу и царю’, ‘представитель ответственной власти’, ‘человек трудной доли’. Данные семантические комплексы получают

следующие приращённые контекстные смыслы: ‘терпеливый’, ‘непритязательный’, ‘опытный’, ‘осторожный’, ‘бесстрашный’, ‘маскирующийся’, ‘хитрый’, ‘любящий своего коня’, ‘свободолюбивый’, при этом ‘одинокий’.

Группа ФЕ, посвящённая жизни казака не на войне, а в ‘гражданском мире’, немногочисленна, возможно, оттого, что дома казаки проводили не так много времени, как на войне: *Дома жить – чина не нажить* [10, с. 73]. Зачастую в этих контекстах лексема *казак* приобретает пейоративную окрашенность. Образ удалого, смелого, опытного рыцаря сменяется ленивым, своевольным, любящим выпить персонажем. Эти ФЕ полны самоиронии и юмора. *Казак як нэ пье, та воши бье, а всэ ж нэ гуляе* (сема ‘безделье’ и ‘пьянство’) [Там же, с. 13]. / «Казак как не пьёт, так вшей бьёт, а не гуляет». *Козак – душа правдивая, сорочки нэ мае: колы нэ пье, так нужу бье, а всэ нэ гуля* (сема ‘безделье’ и ‘пьянство’) [9, с. 30]. / «Казак – душа правдивая, рубашки не имеет: если не пьёт, так нужду терпит, а все не гуляет». *Чому козак гладок? Пойив та на бок* (сема ‘безделье’) [15, с. 29]. / «Почему казак гладок? Поел и на бок». *Курица невелика птица, да пьёт, а казаку и Бог велел* (сема ‘пьянство’) [Там же, с. 37]. / «Курица – невеликая птица, да пьёт, а казаку и Бог велел». *Дэржы казак в руках жынку, а нэ рюмку* (сема ‘пьянство’) [13, с. 114]. / «Держи, казак, в руках жену, а не рюмку». *Нэ на тэ козак пье, що е, а на тэ, що будэ* (сема ‘пьянство’ и ‘беспечность’) [9, с. 31]. / «Не на то казак пьёт, что есть, а на то, что будет». *Забажалось козаку зэлэного часныку* (сема ‘своеволие’) [Там же]. / «Захотелось казаку зеленого чеснока». *Казак жынку бье нэ туди, колы вона вынувата, а колы у його на це врэмя е* (сема ‘своеволие’) [13, с. 119]. / «Казак жену бьёт не тогда, когда она виновата, а тогда, когда у него время есть».

Семантический компонент ‘свой – чужой’ интересно раскрывается в устойчивом предложении *Галмеси у(в) церковь идуть, а наши казачки у духан пруть* [3, с. 524]. / «Иногородние в церковь идут, а наши казачки в духан прут», где ‘чужие’ *галмеси* поступают правильно, а ‘свои’ нарушают нормы поведения. Отношения с женой тоже не всегда идеальны: *Казака нэ лай, жона, колы изба нэ мэтэна* [10, с. 22]. / «Казака не ругай, жена, если изба не метена», тем не менее, когда казак на войне, жена переживает за него и ждёт его: *Казак воюе, а жынка горюе* [13, с. 119]. / «Казак воюет, а жена горюет».

Обладая юмором и самоиронией, казаки подмечали свои недостатки и не стеснялись смеяться над собой: *И ты – козак, и я – козак, та обыдва й козаки; и ты – дурак, и я – дурак, да обый два дураки* [9, с. 31]! / «И ты казак, и я казак, да оба мы казаки, и ты дурак, и я дурак, да оба мы дураки». Вместе с тем они осознавали свою исключительность и тщательно оберегали своё сообщество от ‘чужаков’. Так, в пословицах и поговорках отразились их представления о тех, кто не вписывался в мир ‘своих’:

- о людях другой веры: *Не нашего Бога* [3, с. 525];
- о тех, кто не мог носить казачью одежду: *Не для жида сиита* [15, с. 19];
- о неподлинных казаках: *Куди кинь, то казак* [Там же, с. 46]. / «Куда не кинь, то казаки»; *Зовсим козак, та чуб нэ так* [9, с. 30]. / «Совсем казак, да чуб не так»; *В(у) козака гузно в попели* [3, с. 523]. / «У казака гузно в пепле»;
- о детях и внуках, теряющих казачьи традиции: *Дид був козак, диты – сыны козачьи, а внуки – хвосты собачьи* [Там же, с. 522]. / «Дед был казак, дети – сыны казачьи, а внуки – хвосты собачьи»;
- обо всех ‘чужаках’, кто не имел казачьего опыта: *Не пыв воды Кубаньскои, не йив каши казацькои* [9, с. 31]. / «Не пил воды кубанской, не ел каши казацкой».

Так в языковой картине мира отражается стремление казаков защитить своё сообщество от людей другой веры, от людей другого социального статуса, от тех, кто не может хранить казачьи традиции и передавать их из поколения в поколение.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: значимость концепта КАЗАК во фразеологическом фонде Кубани в аспекте бинарной оппозиции ‘свой – чужой’ меняется в зависимости от того, какой мир (военный или гражданский) отражается во фразеологических контекстах. В мире военном, оторванном от женщин и домашнего уклада, концепт КАЗАК включает в себя такие смысловые компоненты, как ‘представитель военного сословия’, ‘избранный на служение Богу и царю’, ‘представитель ответственной власти’, ‘человек трудной доли’. Практически во всех ФЕ имена концепта имеют мелиоративную окрашенность, что говорит о самоуважении казаков, о том, что они осознавали свою избранность и предназначение. Для самого казака центральным образом ‘своего мира’ являлся конь, также для казака важен атаман, покровителем же ‘своего мира’, дающим надежду и милость, казаки считали Бога.

В мире гражданском, отражённом во фразеологии, концепт КАЗАК вбирает в основном пейоративные коннотации и такие семантические компоненты, как ‘бездельник’, ‘любитель выпить’, ‘гуляка’, ‘беспечный и своевольный человек’. Следовательно, позиция такого образа в аспекте категории ‘свой – чужой’ меняется, сдвигаясь к периферии ‘своего’, что говорит об ироничном отношении к себе, об умении видеть свои недостатки и смеяться над ними.

Дальнейшие исследования будут направлены на выявление лексической репрезентации концепта КАЗАК в песенном фольклоре кубанских казаков.

Список источников

1. Андрющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани / Армавир. гос. пед. ун-т. Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. 299 с.
2. Бондарь Н. И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры Кубанского казачества) [Электронный ресурс]. URL: <https://etnos.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-sbornik/903-voiny-i-khleboroby-nekotorye-aspekty-muzhskoj-subkultury-kubanskogo-kazachestva.html> (дата обращения: 09.09.2020).

3. **Борисова О. Г.** Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2018. 609 с.
4. **Борисова О. Г.** Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
5. **Бурдун С. В.** Концепты МАТЬ, ОТЕЦ, ДЕТИ как репрезентанты мира «своих» (на материале кубанской фразеологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 13-18.
6. **Епатко Т. А.** Особенности лексической репрезентации концепта КОНЫ в кубанском фразеологическом фонде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 19-24.
7. **Матвеев О. В.** Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
8. **Петроченко М. Н.** Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 227 с.
9. **Пивень А. Е.** Торба смеха и мешок хохота. Краснодар: Советская Кубань, 1995. 224 с.
10. **Пословицы, поговорки и загадки Кубани** / сост.: Л. В. Мартыненко, И. В. Уварова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 154 с.
11. **Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края** / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В. Е., 2013. 192 с.
12. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 736 с.
13. **Ткаченко П. И.** Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар: Традиция, 2008. 240 с.
14. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
15. **Чалов В. П.** Историко-лингвистический анализ фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... к. филол. н. М., 1981. 292 с.

Lexical Representation of COSSACK Concept Introducing Male Subculture of ‘His Own World’ in the Kuban Phraseology

Burdun Svetlana Vladimirovna

*Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
010670@bk.ru*

The article examines the COSSACK concept in the context of the Kuban phraseology. The paper aims to reveal the role of the COSSACK concept in the Kuban Cossacks’ linguistic worldview in relation to the category “the native – the outsider”. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time analyses lexico-semantic representation of the COSSACK concept in the Kuban Cossacks’ regional linguistic worldview by the material of local phraseology. The findings indicate that the COSSACK concept contains both ameliorative and pejorative connotations and bears different semantic load in military sphere and in civil life in terms of the dichotomy “the native – the outsider”.

Key words and phrases: linguistic worldview; COSSACK concept; “the native – the outsider” category; Kuban phraseology; evaluativeness.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.23>

Дата поступления рукописи: 14.09.2020

Цель исследования – выявить особенности лексико-семантического воплощения концепта КОНЫ в кубанских лирических, балладных, острожных, свадебных, обрядовых, хороводных, плясовых и шуточных песнях. **Научная новизна** заключается в том, что впервые сделана попытка сопоставительной характеристики основных имён общерусского концепта КОНЫ – лексем «конь» и «лошадь» – на региональном материале кубанского казачьего песенного фольклора. **Полученные результаты** показали, что в кубанских казачьих песнях у данных лексем на основе прямых значений возникает дополнительный смысл ‘богатство’. Кроме того, у лексемы «конь» появляются значения ‘свой’, ‘символ жениха’, ‘товарищ казака’. Обе лексемы приобретают положительную эмоциональную окраску. Различия в семантике слов «конь» и «лошадь» исчезают, данные лексемы становятся полными синонимами, но наиболее частотная лексема «конь» обладает значительно более широким метафорическим потенциалом.

Ключевые слова и фразы: концепт КОНЫ; кубанские песни; казачий фольклор; лексема; метафорическое значение.

Епатко Татьяна Александровна

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А. К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru*

Лексикализация концепта КОНЫ в кубанских казачьих песнях

В языковой картине мира кубанского казачества важное место занимает концепт КОНЫ. Об огромной роли коня в жизни кубанских казаков писали такие историки, как О. В. Матвеев [15, с. 203], И. Ю. Васильев [3, с. 158]. Вполне закономерно поэтому, что образ коня является одним из наиболее частотных образов кубанского